

Д 15
4-813

262

1986
2858
Проверено 1961 г.

ПРОВЕРЕНО
12966.
2000 г.

Профессоръ И. Я. Фойницкій.

(Род. 29 авг. 1847 г. — ум. 19 сент. 1913 г.).

Новую тяжкую утрату понесла русская наука. 19-го сентября внезапно скончался заслуженный профессор *С.-Петербургскаго университета И. Я. Фойницкій, одинъ изъ блестящей плеяды криминалистовъ недавняго прошлаго, которая потеряла такихъ дѣятелей, какъ Кистяковскій, Неклюдовъ, Спасовичъ. Уроженецъ города Гомеля, И. Я. получилъ среднее образованіе въ черниговской и могилевской гимназіяхъ, но затѣмъ переѣхалъ на сѣверъ, поступилъ въ Петербургскій университетъ и съ этихъ поръ вся его жизнь и дѣятельность были тѣсно связаны съ Петербургомъ.

Разнообразна была эта дѣятельность. Оставленный по окончаніи курса при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію, И. Я., имѣя всего 21 годъ отъ роду, уже выступаетъ на педагогическое поприще въ качествѣ преподавателя аудиторскаго училища, въ послѣдствіи преобразованнаго въ военно-юридическую академію. Три года спустя, онъ получаетъ степень магистра за свой первый крупный трудъ «Мошенничество по русскому праву», въ томъ же 1871 году по избранію становится штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ уголовного права въ Петербургскомъ университетѣ и съ этой кафедрой онъ остается связаннымъ до самого дня своей кончины. Въ 1881 году, послѣ защиты И. Я. докторской диссертациі «Ссылка на западъ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи», университетъ избираетъ его экстраординарнымъ профессоромъ, полтора года спустя — ординарнымъ; съ мая 1896 года И. Я. получаетъ званіе заслуженнаго профессора; съ іюня 1901 года, за выслугой тридцати лѣтъ, становится профессоромъ внѣ штата, но фактически продолжаетъ занимать кафедру уголовного права и процесса до начала текущаго 1913 года, когда его мѣсто занимаетъ по назначенію его бывшимъ ученикомъ, профессоромъ Томскаго университета Н. Н. Розинымъ. Тогда И. Я. объявляетъ параллельный съ послѣднимъ курсъ уголовного судопроизводства и читаетъ его до дня смерти.

3852 п. 91. А.

Одновременно съ ученой и преподавательской дѣятельностью проф. И. Я. Фойницкій неутомимо работаетъ и на другихъ поприщахъ. Уже съ 1876 года онъ становится товарищемъ оберъ-прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Сената, въ 1899 году назначается сенаторомъ того же департамента и лишь незадолго до смерти, чувствуя ослабленіе силъ и развитіе недуга, угнетавшаго его съ молодыхъ лѣтъ (процессъ въ легкихъ), И. Я. переходитъ на нетребующій интенсивной работы постъ сенатора общаго собранія.

Дѣятельно участвуетъ И. Я. и въ законодательной работѣ: онъ является однимъ изъ энергичныхъ членовъ комиссіи по составленію новаго уголовного уложенія, гдѣ главнымъ образомъ его перу принадлежитъ обширный и сложный отдѣлъ объ имущественныхъ преступленіяхъ; онъ же является однимъ изъ авторитетныхъ участниковъ комиссіи министра юстиціи Муравьева по пересмотру судебныхъ уставовъ.

Далѣе, И. Я. является однимъ изъ инициаторовъ и многолѣтнихъ работниковъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ какъ междунаго, такъ и внутренняго общенія между криминалистами. Онъ неутомимо работаетъ по предварительной подготовкѣ нѣсколькихъ пенитенціарныхъ конгрессовъ и принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе; онъ участникъ съѣздовъ представителей исправительно-воспитательныхъ учреждений для малолѣтнихъ; онъ одинъ изъ первыхъ примыкаетъ къ основателямъ междунаго союза криминалистовъ, съ Листомъ, Принсомъ и фанъ Гамелемъ во главѣ; онъ, наконецъ, является организаторомъ русской группы этого союза, проводить ея уставъ, вызываетъ ее къ жизни и до 1905 года стоитъ во главѣ ея, какъ безсмѣнный выборный предсѣдатель.

Прибавимъ сюда дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ факультета и совѣта, участіе въ государственной испытательной комиссіи при Петербургскомъ университетѣ, исполненіе нѣсколько разъ обязанностей предсѣдателя этой комиссіи при провинціальныхъ университетахъ, нѣсколько лѣтъ деканства въ факультетѣ, работу въ качествѣ гласнаго въ послѣдніе годы въ Петербургской городской думѣ, гдѣ въ юридической комиссіи И. Я. далъ рядъ важныхъ и цѣнныхъ заключеній, выступленіе однимъ изъ инициаторовъ въ дѣлѣ устройства особыхъ судовъ въ Россіи для малолѣтнихъ и открытія перваго такого суда въ Петербургѣ, предсѣдательствованіе въ петербургскомъ обществѣ патроната, — и мы все же едва ли этимъ развернемъ до конца ленту жизни

И. Я., полную напряженного и разнообразного труда от молодости и до самой могилы.

Еще не настало время полной и всесторонней оцѣнки дѣятельности почившаго. Слишкомъ близка и свѣжа о немъ память, а безпристрастная исторія требуетъ нѣкоторой перспективы, нѣкотораго удаленія отъ событий. Можетъ быть не всѣ стороны дѣятельности И. Я. получать одинаковую и сочувственную оцѣнку, но не можетъ быть и спора о томъ, что мы потеряли человѣка выдающихся талантовъ, неутомимаго труженика и одного изъ тѣхъ, кто составлялъ гордость и славу русской криминальной науки.

Въ области матеріальнаго уголовного права, какъ догматикъ, онъ отличался широкой эрудиціей, глубиной и тонкостью юридическаго анализа; онъ умѣлъ систематизировать сложный и обширный матеріаль, придать ему ясность и стройность, отмѣтить все болѣе важное и спорное, выбрать вѣрный критерій для распутыванія контроверзъ, согласный съ мыслью законодателя, и разграничить дѣянія, иногда близко сходныя по внѣшнимъ формамъ, но различныя по своему юридическому значенію и содержанію. Всѣми этими свойствами запечатлѣнъ уже его первый крупный историко-догматическій трудъ «о мошенничествѣ»; съ годами эти свойства, подкрѣпленныя преподавательскимъ опытомъ и постояннымъ участіемъ въ сложной и требующей глубокаго юридическаго мышленія кассационной практикѣ, сдѣлались лишь ярче и выпуклѣе и наглядно высказались въ его капитальномъ и выдержавшемъ нѣсколько переработанныхъ изданій трудѣ: «Курсъ уголовного права. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество» и въ цѣломъ рядѣ другихъ работъ меньшаго объема, которыя вошли (къ сожалѣнію, не полностью) въ изданный имъ сборникъ «На досугѣ», т. I и II. Здѣсь, кромѣ ряда рецензій на важнѣйшіе труды профессоровъ Таганцева, Кистяковскаго, Неклюдова и др., рецензій, отличающихся большою объективностью и глубиной критическихъ замѣчаній, мы находимъ историко-догматическую и догматическую разработку цѣлага ряда разнообразныхъ темъ. Анализъ русской карательной системы и въ частности анализъ нашей сибирской ссылки и управленія ею, подробная и вдумчивая оцѣнка обще-германскаго уложенія, статья объ укрывательствѣ, гдѣ рѣзкой критикѣ подвергается наше право, поскольку оно ставитъ отвѣтственность прикосновенныхъ въ зависимость отъ отвѣтственности соучастниковъ и гдѣ даны первые штрихи того отрицательнаго отношенія къ принципу солидарной отвѣтственности соучастниковъ, которое, много лѣтъ спустя, вылилось въ оригинальную, не-

большую по объему, но цѣнную по содержанию статью «О со-
участіи», разборъ германскаго законодательства о печати и,
наконецъ, обширная статья, посвященная міровой эволюціи за-
конодательства печати, — таковъ богатый научный вкладъ по-
койнаго И. Я. въ литературу матеріальнаго уголовного права,
имѣющей по преимуществу догматическій или историко-догмати-
ческой характеръ, хотя и заключающей въ себѣ немало отдѣль-
ныхъ важныхъ уголовно-политическихъ положеній.

Въ частности здѣсь особо слѣдуетъ отмѣтить значеніе труда
И. Я. «О мошенничествѣ». Труднѣйшей задачей является юриди-
ческая конструкція этого понятія и особенно лежащаго въ его
основѣ юридическаго опредѣленія того, что является уголовно-
наказуемымъ обманомъ. Необходимость съ одной стороны не
давать простора проявленіямъ ловкой недобросовѣстности, а
съ другой не расточать каръ, въ случаевъ серьезной социальной
потребности, и не создавать излишнихъ стѣсненій торгово-про-
мышленнаго оборота и свободы сдѣлокъ, — привела къ тому,
что законодательства или слишкомъ сузили понятіе мошенниче-
ства, введя перечень способовъ его совершенія, почитаемыхъ
обманомъ въ юридическомъ смыслѣ, или ограничились общими
формулами, не отличающимися точностью, предоставивъ практикѣ
наполнить ихъ содержание. Въ результатѣ вопросъ оказался
запутаннымъ; и кассационная практика, и отдѣльные теоретики
создали цѣлый рядъ теорій, вносящихъ разныя произвольныя огра-
ненія понятія мошенничества въ видѣ такъ называемыхъ теорій
нормальнаго и индивидуальнаго благоразумія, теорій, требующихъ
для наказуемаго обмана особой тонкости или особыхъ приготовленій
и т. п. Это въ частности имѣло мѣсто и въ нашемъ правѣ.

Заслуга И. Я. состоитъ въ строгой классификаціи всѣхъ суще-
ствовавшихъ теорій, въ блестящемъ критическомъ ихъ разборѣ,
въ установленіи для понятія уголовно-наказуемаго обмана юриди-
ческаго критерія, каковымъ является искаженіе фактовъ дѣй-
ствительности, а залѣмъ въ отношеніи какъ всего того, что далеко
расширяло предѣлы мошенничества, относя къ нему ложныя
объщанія и даже вообще всякую ложь, повлекшую за собой
невыгодныя для контрагента послѣдствія, такъ и того, что
искусственно ограничивало данное понятіе къ явной невыгодѣ
довѣрчивыхъ и добросовѣстныхъ людей и къ выигрышу въ видѣ
премии за ловкую и болѣе или менѣе оригинальную недобро-
совѣстность.

Мы скажемъ далѣе объ уголовно-политическомъ значеніи дру-
того большого труда И. Я. «Ссылка на западѣ»; пока же отмѣ-

тимъ, что этотъ трудъ имѣетъ глубокое и серьезное историко-догматическое значеніе. Ярко написанная исторія ссылки, гдѣ авторъ во многомъ пополнилъ и своеобразно освѣтилъ матеріаль, использованный въ трудѣ о ссылкѣ Гольцендорфа, сопровождается здѣсь блестящимъ анализомъ ссылки какъ карательнаго института; авторъ изучаетъ ссылку какъ въ ея теоретической обрисовкѣ и въ регламентаціи законами, такъ и въ ея фактическомъ положеніи. Въ результатъ получается рѣзко-отрицательное отношеніе къ институту ссылки, съ которымъ можно, хотя бы частично, не соглашаться, но послѣ котораго нельзя защищать ссылку какъ полезное наказаніе для болѣе или менѣе широкихъ категорій преступниковъ, не опровергнувъ или неослабивъ предварительно обстоятельныхъ, вѣскихъ и подкрѣпленныхъ громаднымъ фактическимъ матеріаломъ доводовъ И. Я.

Но, если мы захотимъ отмѣтить, гдѣ наиболѣе ярко проявился талантъ И. Я. какъ юриста догматика, мы должны будемъ обратиться къ его процессуальнымъ трудамъ и къ главнѣйшему изъ нихъ: «Курсу уголовного судопроизводства». Въ области уголовно-матеріальнаго права И. Я. не оставилъ труда, который охватилъ бы всю общую и особенную часть нашей науки и свелъ бы въ законченную систему его важныя и плодотворныя изслѣдованія крупныхъ ея отдѣловъ и тѣхъ или иныхъ весьма существенныхъ вопросовъ. Въ области уголовного судопроизводства его монументальный двухтомный курсъ исполняетъ эту задачу, схватывая организацію уголовныхъ судовъ, статику процесса и важнѣйшіе моменты его динамики. Какъ догматикъ-матеріалистъ онъ является однимъ изъ выдающихся нашихъ криминалистовъ, какъ догматикъ-процессуалистъ онъ въ нашей наукѣ занимаетъ безспорно первое мѣсто. Широкая трактовка многихъ разсматриваемыхъ вопросовъ въ его курсѣ доходить до монографической полноты; детальный анализъ каждаго разбираемаго института, умѣлое использование историческихъ матеріаловъ и литературы, широкое примѣненіе сравнительнаго метода, стройность и послѣдовательность изложенія, правильное и тонкое пользование законодательнымъ матеріаломъ и кассационной практикой соединяется здѣсь у автора съ убѣжденной защитой основныхъ принциповъ нашей судебной реформы, съ выясненіемъ не только ихъ юридической природы, но и необходимости ихъ развитія и съ протестомъ противъ ихъ искаженія, начавшагося чуть не съ перваго года примѣненія судебныхъ уставовъ и продолжающаго до нашихъ дней разрастаться пышнымъ цвѣтомъ.

Особенно цѣннымъ въ «Курсѣ» И. Я. мы считаемъ обработку основныхъ типовъ уголовного процесса въ ихъ историческомъ развитіи и современномъ состояніи, его ученіе о доказательствахъ, гдѣ богатый вѣковой опытъ англійскаго судебного творчества и англійской юридической мысли послужилъ главнымъ матеріаломъ для начертанія стройной и продуманной системы, уясненіе истинной природы и необходимости для уголовного правосудія института присяжныхъ засѣдателей (который, кстати сказать, и помимо «Курса» И. Я. не разъ защищалъ словомъ и перомъ въ періоды разнообразныхъ на этотъ институтъ гоненій), уясненіе того, какъ по началамъ теоріи, такъ и по точному смыслу нашего закона, предварительное заключеніе подозрѣваемаго можетъ имѣть мѣсто исключительно для пресѣченія ему возможности уклониться отъ слѣдствія и суда, а не для какихъ-нибудь другихъ цѣлей, каковы бы они ни были (истина, пошраемая, прибавимъ мы, систематически нашею практикой) и, наконецъ, блестящую и не оставляющую ничего лучшаго желать по полнотѣ разработку институтовъ кассачіи и возобновленія уголовныхъ дѣлъ.

Можно иногда не согласиться съ авторомъ, напримѣръ, по поводу той крайне оптимистической оцѣнки, которую онъ даетъ новому закону о мѣстномъ судѣ въ послѣднемъ изданіи своего курса; свѣтъ этого закона показанъ ярко и выпукло, но ступевались многія его тѣни, хотя онѣ довольно густо мѣстами лежать на немъ, благодаря компромисности его основнаго текста и тѣмъ «поправкамъ», которыя были внесены Государственной Думой и, еще болѣе, Государственнымъ Совѣтомъ. Можно пожелать большаго количества предложеній *de lege ferenda*, особенно въ такихъ пунктахъ, какъ монополія у насъ государственнаго обвиненія, ослабленная въ Австріи и Германіи допущеніемъ замѣщающаго и субсидіарнаго обвинителя, и какъ ученіе о тѣхъ гарантіяхъ интересовъ личности, которые въ новѣйшее время развиваются на западѣ и въ періодѣ предварительнаго производства и въ дѣлѣ обжалованія приговоровъ. Можно пожелать и большаго привлеченія фактическаго матеріала дѣятельности у насъ судовъ: нормы права иногда очень своеобразно преломляются въ жизни; законъ нашъ не знаетъ «обрывающихся» председателей, «тыкающихся» судей, одностороннихъ и гнущихъ только въ одну сторону прокуровъ, угодливыхъ слѣдователей и многихъ другихъ своеобразныхъ перловъ нашей судебной дѣйствительности, отмѣченныхъ не разъ такими ея знатоками какъ А. Ѳ. Кони, В. Д. Спасовичъ и др.

Большее вниманіе ко всему этому, не принося вреда выдающемуся догматическому ученію капитальнѣйшаго труда И. Я., еще болѣе возвысило бы то уголовно-политическое значеніе, которое имѣеть этотъ трудъ благодаря мѣткой критикѣ слабыхъ сторонъ дѣйствующаго процессуальнаго права и ряду важныхъ реформаторскихъ предложеній.

Но изъ сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, что мы несклонны къ признанію выдающихся заслугъ почившаго И. Я. въ области уголовной политики. Въ цѣломъ рядѣ своихъ трудовъ и во многихъ проявленіяхъ своей дѣятельности И. Я. именно какъ уголовный политикъ оставилъ глубокую и почетную память.

Уже въ своей вступительной университетской лекціи «Уголовное право, его предметъ, его задачи», напечатанной въ 1873 году, т. е. до сформированія какъ соціологической, такъ даже и антропологической школы въ наукѣ уголовного права, И. Я. Фойницкій выступаетъ какъ провозвѣстникъ новыхъ идей и требуетъ необходимаго расширенія рамокъ нашей науки. По его словамъ, «наука прежде всего должна догнать жизнь, подмѣтить новыя взгляды, новыя начала, уже успѣвшія пустить корни въ мірѣ реальности, и отказаться отъ старыхъ, имѣющихъ за собой только доводы традиціи». Уважая глубоко догматическій элементъ нашей науки, которому въ теченіе своей жизни онъ отдалъ столько труда, И. Я. въ то же время требовалъ широкой оцѣнки личности преступника, протестовалъ противъ исключительнаго господства «абстрактно-субъективныхъ методовъ» и къ числу тормазовъ развитія науки уголовного права относилъ господствующій среди представителей классической школы взглядъ, по которому все вниманіе сосредоточивалось на изученіи преступления; онъ усматривалъ корни этого взгляда въ «бюрократической эпохѣ отправленія уголовной юстиціи» и рѣзко нападалъ на формализмъ, сводящійся къ установленію «легальныхъ признаковъ совершеннаго дѣйствія» и подходящихъ сюда статей.

Поскольку здѣсь, на ряду съ новымъ пониманіемъ задачъ науки, выдвигается требованіе, чтобы криминалисть не отставала отъ жизни и работала не только для настоящаго, но и для будущаго, мы видимъ здѣсь признаніе важности уголовно-политическаго элемента и вѣрную обрисовку его основной задачи. Но этого мало; И. Я. широко понималъ значеніе этиологическаго базиса уголовной политики: онъ съ удареніемъ отмѣтилъ значеніе того личнаго фактора, признаніе важности котораго позже легло въ основу уголовно-антропологическихъ работъ, но столь же ясно поставилъ и вопросъ о факторахъ соціальныхъ и космиче-

скихъ и въ частности для изученія послѣднихъ далъ цѣнный вкладъ глубокой и вполне самостоятельной разработкой вопроса «о вліяніи временъ года на преступленіе».

И хотя въ дальнѣйшей своей ученой дѣятельности И. Я. главнымъ образомъ трудился въ догматической области, но элементъ уголовно-политическій не исчезалъ изъ поля его зрѣнія. Въ его уже названномъ трудѣ «Ссылка на западъ», въ трудахъ о русскихъ тюрьмахъ и русской ссылкѣ, въ небольшомъ этюдѣ «Женщины-преступницы», въ одномъ изъ наиболѣе глубокихъ трудовъ «Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ» и въ рядѣ другихъ работъ мы видимъ, какъ И. Я., осуществляя высказанные имъ взгляды на задачи науки уголовного права, постоянно выходитъ за предѣлы вопросовъ чисто конструктивныхъ, отстаиваетъ цѣлый рядъ необходимыхъ реформъ, опираясь въ своихъ предложеніяхъ не только на изученіе нормъ, но и на изученіе сложной реальной подкладки тѣхъ явленій, борьбу съ которыми, и притомъ борьбу научно обоснованную, онъ объявляетъ необходимой.

Отсюда намъ особенно понятна многолѣтняя работа И. Я. въ международномъ союзѣ криминалистовъ и въ его русской группѣ: научные девизы союза были близки къ научному *credo* И. Я., а потому не могли не вдохновлять его, не могли не быть ему дороги; работа для нихъ являлась работой и для движенія впередъ науки уголовного права вообще и въ частности для движенія у насъ этой науки и для обновленія нашего уголовного права и порядковъ уголовного правосудія.

И когда, сосредоточиваясь на ученой дѣятельности почившаго и даже не учитывая поэтому ту обширную, сложную и важную работу, которую выполнялъ И. Я. на другихъ поприщахъ, мы вспомнимъ, что человекъ такого таланта, такихъ научныхъ заслугъ и такихъ широкихъ научныхъ взглядовъ соросъ лѣтъ съ кафедрой проводилъ эти взгляды въ жизнь, научая будущихъ работниковъ на нивѣ науки и на различныхъ поприщахъ практической дѣятельности, и что, угнетаемый всѣ эти годы тяжелымъ недугомъ, онъ не сдавался и неустанно трудился до послѣдняго дня жизни, мы постигнемъ всю тяжесть той утраты, которую понесла русская наука уголовного права, и благоговѣйно склонимся надъ свѣжей могилой того, кто съ законнымъ правомъ могъ бы примѣнить ко всей своей жизни девизъ:

«Dum spiro — laboro».

Проф. М. П. Чубинскій.

12966.

